

СТИХИ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

ЕВГЕНИЙ БОРАТЫНСКИЙ МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей её не назовут,
И юноши, узрев её, за нею
Влюбленную толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необицим выраженьем,
Её речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едим осужденьем,
Её почитит небрежной похвалой.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ГЛАВНОЕ: НЕ НАПИСАТЬ, А ВЫЧЕРКНУТЬ

Друзья! Увы, нечасто удаётся издать «Рассказ-газету», которая была основана ещё в 1991 году замечательным писателем Александром Акулиничевым. Но когда написан очередной номер газеты в печать, у круга авторов возникает ощущение радости и счастья: газета живет!

Мы благодарны замечательному прозаику Евгению Попову за сотрудничество с «Рассказ-газетой». Нынешний гость первой полосы отнюдь не случаен. Евгений Анатольевич неоднократно участвовал в региональных литературных фестивалях. Сейчас в его творческой мастерской (на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького) обучается писательскому мастерству тамбовский прозаик Владимир Самородов, постоянный автор «Рассказ-газеты».

Авторы, представленные в сегодняшнем номере, совершенно разные по языку, образному строю, эстетическим и этическим убеждениям, но всех их объединяет малый формат прозы, которым мастерски владел Антон Павлович Чехов. В последнее время из-за развития компьютерных технологий, катастрофической нехватки свободного времени малая проза стала востребованным направлением в русской литературе. Но написать короткий рассказ или новеллу весьма непросто. Такое произведение отличается плотностью, взвешенностью, продуманностью. Каждое предложение, диалог, жест, детали, насыщающие литературное пространство, — всё должно быть тщательно выверено, отшлифовано... Словом, ничего лишнего. Главный принцип: не написать, а вычеркнуть. Поверьте, это самое сложное. Немаловажную роль играет парадоксальная и неожиданная концовка рассказа или новеллы, способная перевернуть сюжет или фабулу с ног на голову.

Малая проза — антипод романа, в котором властвует сюжет, своеобразная линия, которая ведет главных героев по лабиринтам повествования. В этой линейности раскрываются характеры и судьбы героев. В малой прозе сюжет уходит на второй план, здесь правит бал сиюминутное впечатление, эпизод, доведенный до психологического и смыслового напряжения. Малая проза — это сосредоточение алмазного блеска на какой-то одной грани человеческого бытия. Но эта грань должна быть безупречной по обработке кристалла. Так лаконичность превращается в настоящее искусство. Шедевром короткого рассказа в мире принято считать «Маленькую басню» Франца Кафки.

В качестве иллюстрации возьмем рассказ Эрнеста Хемингуэя: «Продаются детские ботиночки. Ненюшенные». Его истории «Кошка под дождем», «Белые слоны» и многие другие рассказы малой формы уже давно стали классикой.

Писатель О. Генри также весьма лаконичен: «Шофер закурил и нагнулся над бензобаком, посмотреть много ли осталось бензина. Покойнику было двадцать три года».

В русской традиции анекдот — пример устного короткого рассказа.

Олег Алёшин.

Т ут недавно в Швеции опять Нобелевские премии давали за картины, и не явился один лауреат, фамилию которого я называть не стану, а звали его — Витя. Его они очень долго ждали, держа доллары в руках, но он всё равно не явился. Ни туда, ни сюда, ни отсюда, ни отсюда — он куда больше не явился. И никто про него никогда ничего уже больше ни от кого не слышал, потому что он, несмотря на знатность, был холост и одинок, всего себя отдавая лишь своей замечательной работе.

А случилось с ним вот что. Будучи юношей, он жил в Сибири, где и занимался борьбой дзюдо и учебной в художественном училище.

И вот однажды вечером он идёт домой на квартирку по висячему мосту через речку Качу, а его на мосту встречает бедно одетый хулиган. А он и сам был одет достаточно скромно, в кирзовые сапоги.

Хулиган злобно посмотрел на бедного юношу, почти подростка, и грубо приказал, указывая на его старенький этюдник:

— А ну покажь, что у тебя в сундуке, пфимпф!

Витя же ему совершенно ничего не ответил. Он в эти секунды глядел, ошеломленный, на одинокую Полярную звезду, указывающую с неба путь заблудшему человечеству. Какое-то озарение охватило внутреннюю душу будущего мастера, и он прошептал сам себе:

— Полярная звезда!..

— Покажь портфель, падала-курица! — наступал на него хулиган.

Но юноша всё не слышал: невыразимым томлением и сладкой болью была наполнена его внутренняя душа. Неземным томлением и такой болью, которые имеют право наполнять лишь душу человека, который рано или поздно получит Нобелевскую премию. Так что он хулигану и опять не ответил.

А хулиган тогда зашипел по-змеиную и стал кружить вокруг художника. А художник молчал и его не видел.

— Ну, я тебя щас резню! Ну, я тебя щас свисну! — вскричал тогда хулиган и занес над будущим лауреатом невооруженный, но пудовый кулак. И он бы выбил из головы мастера любую Полярную звезду, но за миллионную долю секунды до соприкосновения его кулака с Витиными мозгами Витя очнулся и хотел бы крикнуть, что нельзя! Нельзя бить! Нельзя убивать! Нельзя! Нельзя! Нельзя! — хотел бы крикнуть он. Но увы! Тело нас не спрашивает. Наше тело само принимает решения. Витя за миллионную долю секунды уклонился от удара и той же головой, с теми же думающими мозгами, страшно ткнул хулигана в горло.

Отчего хулиган упал, дернулся и затих, мертво глядя на всё ту же Полярную звезду. Но ему не было дано увидеть Полярную звезду и её неземной свет. Он упал, дернулся и затих, потому что он был мёртв.

Или убит. Я не знаю. Не знал и художник. Он посмотрел на тело бывшего хулигана. Он втянул голову в плечи, и он тихо ушёл прочь, домой, на квартирку, в уголок, который он снимал у бабушки-татарки. Среди саманных домиков и грязи, на берегу вонючей речки Качи.

Далеко заполночь он ещё рисовал, а утром следующего дня проснулся внешне спокойным человеком и никогда справок о трагедии на висячем мосту не навел. А и чего их наводить? Таких диких случаев в те далекие годы было очень много, а слухов — и того больше. Он проснулся спокойным человеком.

И не берусь прямо утверждать, но вроде бы с того-то дня и началось его головокружительное восхождение. Уж ясно, конечно, что не сразу зримо с того дня. Но с отяжелением было закончено художественное училище, но тут началась Академия художеств, но тут потом дипломы пошла, и папки красные, и отличия, и третьи места, и вторые места, и первые места.

Вот. А он уже немного стал старенький и как-то раз вечером включил транзисторный приёмник и слышит: награждён-де премией Нобеля художник Витя из Советского Союза. Он тогда, конечно, очень обрадовался и вышел на балкон своей квартиры на одной московской улице. Вышел освежиться, чтобы радость его улеглась или приняла приличное направление.

— Всё-таки и я кое-чего достиг в этой жизни, — соизидно сказал он сам себе, и тут ему стало чего-то страшно. И тоскливо и холодно стало, несмотря на июльское время. И он опять поднял голову, и опять увидел эту Полярную звезду. И опять Полярная звезда в упор и горько глядела на свою заблудшую Землю. И опять всё корчило и болело.

— Что? Что? — шептал художник. — Что? Что? — шепотом повторял он, пятясь

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Попов Евгений Анатольевич — прозаик, драматург, эссеист. Родился в Сибири, Красноярск (1946). Автор более чем 20 книг прозы, переведенной на множество языков, лауреат многочисленных литературных премий, пробыл 7 мес. 13 дней в Союзе писателей СССР, откуда был исключен за создание в компании с В. Аксеновым, Б. Ахмадулиной, А. Битовым, В. Высоцким, А. Вознесенским, В. Ерофеевым, Ф. Искандером и др. неподцензурного альманаха «МетрОполь» (1979). Восстановлен в 1988. Много работает с молодыми и начинающими писателями России, ездит по стране с выступлениями, читает лекции по современной русской литературе на Родине и за рубежом, более 15 лет ведёт семинары прозы на ежегодном всероссийском Форуме молодых писателей в Липках, с 2017 года преподаёт писательское мастерство в Литинституте.

Один из основателей (с 1989) и вице-президент Русского ПЕН-центра, ассоциированный член Шведского ПЕН-Центра (с 1980), секретарь Союза писателей Москвы. Заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Дружбы (декабрь 2023) «За заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную творческую деятельность».

Критики и литературоведы называют его «самым весёлым анархистом российской словесности» и отмечают, что его проза «одновременно прекрасна и безобразна, ясна и туманна, трезва и ясна, как русский человек», что позволяет им считать его одним из самых ярких современных национальных писателей, идущих вслед за Михаилом Зощенко, Василием Аксеновым и Василием Шукшиным.

и спотыкаясь. — Что? Что? — всё бормотал он. А потом уж и не бормотал. Потом он уже молча и тихо сел в самолёт и полетел из Москвы в сторону, совершенно противоположную Швеции, а именно — в Сибирь.

Молча и тихо сошёл он по трапу и тихо, и молча, и плача он быстро шёл туда, к висячему мосту. Он шёл плача, и слёзы плавали ему глаза. И глаза поэтому не могли видеть ничего: ни новостроек, которые вылезли из-под земли как грибы; ни лиц, озаренных радостью нашей эпохи; ни самой радости нашей эпохи не видел глаза плачущего человека.

Но потом слёзы кончились, и он увидел, что висячего моста уже нет, а на его месте построен новый мост, каменный.

Слёзы кончились. Художник стал сух. Он немного постоял. Потом снял свою хорошую одежду. Нагой, он связал её в узел и утопил. Нагой, он тихо ступил в мутные струи вонючей речки. Нагой, он стоял дрожа и сказал слово. И слово это было — о, пожалуйста, не смейтесь! — слово это было «пфимпф».

— Пфимпф, — тихо сказал художник и медленно поплыл.

Его (разумеется, совершенно случайно) никто не видел, почему потом и не искали. Обезображенный труп его нашли потом ту-

руханские рыбаки, но какое им было до него дело?

А если вы спросите, откуда я сам тогда всё это знаю, то я вам на это ничего не отвечу. Я вам другое скажу: никто ничего не знает. Не знает, кто мёртв, кто жив, а кто ещё не родился. Никто ничего не знает. Всех нас надо простить. Я не шучу. Я ещё не сошёл с ума.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА:

Этот рассказ замечательно читал в своих программах Сергей Юрский. Я считаю, что он читал лучше, чем я написал. СЛУШАЙТЕ и СМОТРИТЕ <https://www.youtube.com/watch?v=vNkwc4w-bEc>. Кирзовые сапоги — кирза — материал на многослойной тканевой основе, пропитанной специальными веществами. Идёт, в основном, на производство солдатских сапог. — «Пфимпф», — тихо сказал художник и медленно поплыл. Слово «пфимпф» самолично изобретено мною. Сергей Юрский рассказывал мне, что для него, как для чтеца, эта фраза очень важна. Если при произнесении этой фразы в зале стоит мертвая тишина — он своим мастерством выиграл соревнование у зрителей, если смеются — проиграл.

РАССКАЗ 12+

Василий Шукшин
1973

« Словом, даже если и есть история на памяти, и есть умение ее рассказать, надо ещё почувствовать, что она нужна. Нужна ли? И это-то в «профессии» рассказчика едва ли не самое трудное — понять: нужен ли ты сейчас со своей историей? Я прочитал рассказы Евг. Попова и почувствовал, что мне, например, они были нужны. Рассказы состоялись.

Белла Ахмадулина
2001

« Если бы меня не соединяли с Евгением Поповым многие уже годы совершенной и счастливой дружбы... затем — годы неразумного утешительного добрососедства, позволяющего вместе смеяться и преодолевать печаль... более того: если бы я никогда не видела и его пригожей, давно знаменитой бороды... если бы я ничего не знала о нём и только прочла хотя бы одно из его сочинений... — вот что было бы. Я бы возликовала и сказала так: Евгений Попов — замечательный, ни с кем не схожий, очень русский писатель, имеющий не местное и узко отечественное, но обширное, отрадное всеобщее человеческое значение...

Василий Аксенов
1981

« Евгений Попов принадлежит к новому поколению русской прозы. 33-летний колоритный сибиряк пишет о подлинной жизни современного русского народа со всеми её отчётливыми мерзостями и таинственными восприятиями. Он искусный мастер, и за его плечами чувствуется не только знание народной жизни, но и близость к мировой культуре супер-реализма, к европейской классике и русскому авангарду. Уверен, что впереди у этого крепкого парня, такого русского и такого античного по своей природе, большой литературный путь.

РАССКАЗ 12+

Фотография Алексея Гераскина

ЭДУАРД ЕМЕЛЬЯНОВ

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Раньше Влад эту усадьбу как-то не замечал. Неброский бордового цвета деревянный дом с белыми наличниками прятался под деревьями за низким облупившимся штакетником.

Дверь открыла немолодая дама в длинном, но уже не новом синем платье и с жемчужной нитью на шее.

— Проходите, молодой человек, не разувайтесь, у нас полы ещё не прогреблись.

На удивление внутри дом был высоким и основательным.

Хозяйка провела Влада через кухню с изразцовой печью в гостиную, где стоял белый рояль салонного размера. Влад с осторожностью провёл пальцами по крышке. Про себя он отметил: «Пыли совсем нет». Металлические ролики ножек упирались в стеклянные пельнички. Со стороны окна он заметил небольшое повреждение инструмента. Однако его больше волновало другое — отсутствие соразмерной суммы денег.

— Нашли дарапинку? Говорят, до революции здесь какой-то купец жил. Рояль этот он для дочери купил, потом к ним стал один известный музыкант навещаться. А когда власть менялась, в окно пуля влетела и оставила

этот след. Семья, насколько мне известно, переехала за границу.

— Да, рояль с непростой родословной. Достойн ли я?

— Не переживайте. Нас скоро расселят, а после мужа Георгия Ивановича всё равно никто не играет на нём. Тем более я с ним поговорила, он всё понимает.

— С кем поговорили?

— С роялем. Не удивляйтесь, чувства зорче глаз.

— Вам, наверное, жалко с ним расставаться? — Я бы назвала это милосердием. На крыльцо неvezды зачастили.

Хозяйка умолкла. Влад сел за рояль и, исполнив этюд, почувствовал глубину пожелтевших клавиш.

— За цену не беспокойтесь, что дорого сердцу — я дарю.

— Но так я буду чувствовать себя обязанным. — Не волнуйтесь, я этим не воспользуюсь.

Хозяйка пригласила Влада к столу и подала чай в тонких фарфоровых чашках. Влад заметил на книжной полке биостик Чехова, но с повернутым лицом к корешкам подписных советских изданий. Он встал и захотел было повернуть писателя к свету.

— Не надо, он наказан.

— Мне трудно представить, за что?

— Сделал мне больно.

Они молча пили чай до того, как за окном остановился автомобиль и в гостиную появились грузчики.

— Вы роялист? — выпалила старший бригады.

— Тогда садитесь вперёд, будете путь указывать.

Влад нашёл понимающую улыбку в глазах хозяйки и ответил:

— Признаться, я вне политики, но дорогу знаю.

Рояль покинул дом. Хозяйка стояла у подгнивших перил крыльца, и вся глубина прощальных слов таилась в её безмолвии.

До дома Влада добирались тихо. После команды «взяли» показалось, что рояль вспорхнул большой белой птицей.

Влад забегал домой и открыл входную дверь, но между первым и вторым этажом инструмент упёрся в синюю стену.

Грузчики нецензурно выдохнули.

— Жилье наше не для искусства, — философствовал бригадир. — Тебе его здесь оставить или обратно отвезти? Но это двойной тариф, сам понимаешь.

— Я подумаю, — вздохнул Влад, — вот вам за работу, как договаривались.

— Когда задумаешь, позвони, но лучше завтра, ночь на дворе.

Грузчики приоткрыли рояль у старого дерева. Влад сходил домой за стулом. И никто не знал, о чем они с роялем тихо и долго разговаривали.

РЕДКАЯ КУПЮРА

РАССКАЗ 12+

Дела у Степана Ильича в последнее время, прямо скажем, не шли. Его энергичная походка стала замедляться и привела на диван.

— Но ведь было-то всё хорошо, почему тишь в делах настала, в чём причина? — задавался он вопросом.

Сначала он свалил эти проблемы на выбранную профессию, потом на отрасль в целом, а в окончании задумался о переезде на другое, более удачное, место жительства.

Как-то раз вспомнил он совет покойной бабушки: «Внучек, если плохо тебе станет, тогда вспомни, кому что дурного сделал, да и поправь».

Отмахнулся Степан Ильич от этой неудобной мысли, но за неимением иной решил-таки попробовать. В кофейне, стараясь не нарушить форму сердечка на пенке, он попивал капучино и обдумывал прожитые дни: клиентов вроде не обманул, крепким словом никого не обложил и не сплетничал, а только факты рассказывал, да и чужих жён радовал исключительно комплиментами. Копал, копал — вроде всё чисто. Было у него хобби — собирал он редкие банк-

ноты и по субботам слыл завсегдаем в обществе коллекционеров. Если в стране выпускались новые деньги, то в своём городе Степан Ильич заполучал их первым. Поэтому любил он фанфаронствовать перед официантками и платил им редкими банкнотами.

Вот и сейчас ему было приятно, когда он положил на счёт юбилейную сотню и у официантки округлились пасмурного цвета глаза. На последовавший вопрос он рассказал о важном событии, отражённом на купюре, о её коллекционной ценности — и только тогда девушка улыбнулась. Провожая её взглядом, Степан Ильич припомнил, что недавно была похожая ситуация и он видел такого цвета глаза девушки.

— Да, точно, это было пару месяцев назад — когда он оплачивал квитанцию в банке и решил похвалиться купюрами молодой сотруднице. Тогда девушка заинтересовалась о возможности их приобрести.

В тот момент пробудилась какая-то вертлявая жилка внутри Степана Ильича, и он ответил — могу отдать, пятьсот рублей за штуку.

— Я бы даже несколько взяла, здесь все девочки их ждут, недавно только по телевизору их показывали, — ответила девушка.

Степан Ильич произвёл денежный обмен. Из банка он вышел довольный, в кармане пиджака появились полторы тысячи рублей чистого навару.

«Да и что в этом такого? Бизнес есть бизнес, — думал он. — Девушка довольна и обмана нет. Всё хорошо».

Однако теперь он стал платежи почему-то проводить в других банках. Как-то не хотелось ему попасться на глаза этой девушке.

Может, слова бабушки на него так действовали или ещё чего, но сейчас из кофейни направился Степан Ильич напрямик в банк. Поднявшись по лестнице, он увидел, что очереди не было и девушка сидела на своём рабочем месте.

— Извините, я недавно вам олимпийские банкноты приносил.

— Да, я вас помню.

— Признаться, что тогда сорвал я с вас лишнего.

— Успокойтесь, я без претензий, всё хорошо.

— Возьмите, пожалуйста, — и Степан Ильич протянул полторы тысячи рублей.

Только когда он вставал со стула, девушка подняла на него прекрасные пасмурного цвета глаза, и ему всё стало ясно.

РАССКАЗ 12+

ВЛАДИМИР СЕЛИВЕРСТОВ

ПОД ПАТРОНАЖЕМ

Людмила Алексеевна оказалась тут поздним вечером, когда умирают последние надежды на закончившийся день и рождаются на оставшуюся жизнь. Два окна на втором этаже обычного желтого дома вдруг ударили её в глаза ярким светом, и она уперлась в ограду прошлого. Зелёный палисад шёл, как и тогда, акациями, но их аромат перебивала вонь единственной сучковатой осенней рябины. Казалось, рябина пошла поперёк природы — красота должна благоухать. Все мы благоухаем в молодости и источаем тлен в старости.

Тогда, давно, она, превозмогая себя, тоже шла по этой улице. Главный врач вызвал и сказал:

— На Пролетарской, 23 живет семья онкологических больных. Он на третьей стадии, она на второй. Следует проводить патронаж.

— Нет, я не пойду, я боюсь. Я же бессильна им помочь.

— Вы прежде всего врач, а потом уже человек.

Какой там врач в двадцать три года! Ординатор желторотый. Хотя в душе она считала себя неординарным и оригинальным, как, впрочем, и большинство людей в этом возрасте. Окончив мединститут с отличием, она тогда была уверена, что знает о болезнях людских всё.

Дверь открыл нестарый красавец в чистой отутюженной белой рубашке. Портити лицо только жёлтые круги вокруг глаз. Облик его напоминал известного киноактёра. От него и во всей квартире пахло свежестью, стерильностью и немного моргом. Чехлы на креслах и теakraмалены. В спальне на снежной кровати возлежала на подушках женщина с такими же кругами под глазами и будто нарисованными бровями и губами на бледном лице...

— Добрый день, я ваш новый участковый врач.

— Очень приятно, Семён Михайлович.

— Здравствуйте, Новелла Матвеевна.

Хозяин — с китайской пиналой и серебряной узорной ложкой.

— Веллочка, бульончик индийский, то есть из индейки, тебе надо поест, полезно. Он стоял в позе «чего изволите», перекинув через локоть накрахмаленное вафельное полотенце с вышитым вензелем НМ, и не верилось, что он до болезни работал главным инженером большого оборонного завода.

И вдруг с улыбкой огоршил вопросом: — Как думаете, долго мы протянем?

Она смешалась и отделалась: — Будете жить долго.

Оба одинаково понимающе и благодарно улыбнулись.

— Давайте пить чай, доктор. С чабрецом, говорят, он замедляет процесс? И с птичьим молоком. Я вот всё думаю, а у птиц бывает молоко? Кто-то мне говорил, что оно как лечит, только достать трудно.

Выйдя, она услышала в голове тиканье больших напольных часов, оставшихся в квартире. Они отсчитывали недолгие оставшиеся дни супругов. Как их жаль! Ведь обом едва за пятьдесят. А как он любит её! Только сейчас вспомнила, что рядом с ней стоял букет белых хризантем. Где он только их раздобыл?

В мозгу возник привязчивый романс «Отцветели уж давно хризантемы в саду, но любовь всё живёт в моём сердце боль-

ном...» Сердца-то у них как раз здоровы и рассчитаны ещё лет на тридцать... будут только длить страдания...

...С тех пор прошли десятки лет. У каждого врача своё кладбище небольшое и уютное — тот умер от диабета, может быть, она и смогла бы его спасти, другой от инсульта — правильной ли была дозировка лекарств? Только она никогда на нём не бывала. Эту супружескую пару помнила. О чём думал тогда инженер? Считал последние дни? Был он сильным и смелым, даже героическим человеком? Понимая, что каждый день может стать последним, стирая и гладя простыни, пододеяльники, полотенца. Был одет, как английский лорд в парламенте.

Каждый доживающий до старости — герой. Старики, зная, что скоро умрут, живут, наслаждаются миром, впитывают в себя жизнь с тройной жадностью, нежели чем в молодости. В молодости всё впереди, в старости позади, и только смерть рядом, но жизнь ближе. Молодые не успевают стать умными, а старики мудрыми. Все заумности жизни понимать я начал годам к сорока, живя не умом, а разными другими необузданными и буйными органами. Каждый старик совершает подвиг Матросова, только замедленный, с отсрочкой, смертельная пуля летит в него несколько лет. Тела без души нет, так же, как и души без тела. Говорить же — бездушный человек. Тело и душа — вещь и принадлежность. Одно за другим обязано следовать. Безотлучно. Они в отдельности лишены всякого смысла бытия. Так же, как человек и гроб, — тоже вещь и принадлежность. Как очки и футляр. Но как только он возвращался мыслью к жене, то вся конструкция бытия рушилась и на обломках вырастала безграничная жалость и желание отстоять её перед злыми силами, вырвать, вымолить ей спасение у того, кто может. Но кто может? Он готов отдать свою жизнь, только бы жила она.

Людмила Алексеевна спросила у жены в отсутствие мужа:

— Он всегда был к вам такой внимательный?

— Да нет, я бы не сказала. Вот когда заболела, он и переменялся. Раньше он любил моё тело, а сейчас душу. Как заболела, так и сорваться перестали.

...Семён Михайлович медленно шёл по улице Широкой. Старость только для одного спорта — ходьбы. Время безжалостно отрезало всё и поселило в сердце, которым он так гордился — сильное и здоровое, систоль и аритмию. Иногда оно заходило в диком трепете и рождало страх — а вдруг остановится? Доктора в один голос — гулять надо больше. Но это такое бессмысленное занятие! На улице Пролетарской, где все пролетарии давно уже пролетели в вечность, проживают разные люмпены и прочий деклассированный элемент.

Людмила Алексеевна подняла глаза и увидела старика. Обычного, погасшего и поникшего, тнущегося к земле. Походка и фигура показались знакомыми. Неужели?

— Семён Михайлович?

— Да, мы знакомы?

— Помните молодого врача, я к вам приходила на патронаж?

— Конечно, конечно.

— Я рада вас видеть.

— Вы удивляетесь, почему жив? Как-то пронесло. В прошлом году восемьдесят стукнуло. А Новеллочка тогда через полгода ушла.

На нём были старые, давно не чистенные сандалеты, мятые с пузырями на коленах штаны, обвислый свитер и засаленная кепка.

НОВЫЕ КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

ЭТЮДЫ

Не так давно вышел сборник малоформатной прозы Владимира Самородова под названием «Этюды».

Это вторая книга тамбовского прозаика. Художественный мир Владимира Самородова неоднороден, зачастую фантастичен, как бы соткан из его лучших снов.

Вот что сказал об этюдах Владимира Самородова известный русский саунд-поэт Сергей Бирюков: «...с интересом прочитал «Этюды» Владимира Самородова. Мне кажется, он довольно точно передает странности характеров и поступков своих героев. В этюде «Люди — как книги» он пишет: «Есть люди-романы, есть и рассказы, люди-повести, также порой встречаются люди-миниматюры либо отрывки. Встречал я людей-частушек, приходилось также мне пару раз разговаривать с людьми-анекдотами». По аналогии можно сказать, что у него получились как раз такие люди-этюды. Не до конца проявленные, но все-таки с очерченными особенностями. По этюдам художника можно определить его способности к созданию полноценной

картины. Мне кажется, здесь способности достаточно хорошо проявлены».

Книги Владимира Самородова можно приобрести в книжном магазине, расположенном на Советской улице, дом 11.

ПИДЖАК

ВЛАДИМИР САМОРОДОВ

РАССКАЗ 12+

Фотография Алексея Герасина

Утром Владимир Борисович надел академический пиджак. Он так его называл. Рука потянулась и к бабочке, но импульс малодушия осек его.

«С открытым воротником даже больше воздуха», — подумал он, оправдываясь перед собой.

Тот самый пиджак из коричневого вельвета, немного выцветший, с потертыми локтями, грузновато сидел на нем.

Он был на нем в самые ответственные минуты его жизни: на защите диссертации, публичном обсуждении его первого рассказа, согрел в зимние вечера в библиотеках, где его хозяин находил поэзию даже в трудах по праву.

— Уважаемые студенты! Начинаем занятие по философии права, приготовиться по вопросам домашнего задания! — обратился Владимир Борисович к студентам, которые стали шуршать тетрадями и листами с распечатками, схемами и таблицами.

«Дождались все же, никто не ушел», — подумал он, смотря на механические часы, сильно расстраивающие его мысли о собственной пунктуальности.

— Владимир Борисович, можно вас? — вдруг прозвучал строгий голос заведующей кафедрой теории права, стоявшей в раскрытых дверях аудитории. Рядом с ней он заметил и директора института.

Дамы, жестикулируя, пригласили его в коридор — на разговор. Владимир Борисович подчинился. Понимая, что разговор будет непростым, он закрыл за собой дверь, оказавшись в ауре удушливых женских духов.

— Владимир Борисович, вы же понимаете, что не имеете права преподавать, у вас нет никакого юридического основания для этого. Что вы делаете в этой аудитории? — выпалила директор института.

Владимир Борисович устало вздохнул и хотел уже на выдохе попытаться что-то ответить, но закашлялся, и его тут же опередила завкафедрой:

— Вам достоверно известно, что договор не продлен и вы не имеете права здесь преподавать и даже находиться. Мы просим объяснить свое поведение и покинуть аудиторию. В противном случае будут приняты меры.

— Меня попросил профессор заменить его, он в командировке, поэтому я здесь, — отстраненно проговорил Владимир Борисович, понимая, что им все это давно известно.

— На каком основании, если вы здесь никто?! — повысила голос завкафедрой.

— Извините, понимаете... я же просто преподаю...

— Надеюсь, вы нас поняли? Вы упорно посещаете наш университет, не будучи преподавателем. Есть информация, что вы продолжаете вести незапланированные предметы, проводите кружок «Правовед», не имея на это никаких прав. Такое поведение поначалу вызывало недоумение, но теперь шутки кончились. Мы сообщили студентам, что с позапрошлого месяца вы не являетесь преподавателем нашего университета, но продолжаете ходить сюда и подрывать дисциплину. Мы категорически заявляем вам, что вы не вправе проводить здесь занятия. Понятно?

— Понятно, извините, — проговорил Владимир Борисович и вернулся в аудиторию.

Вспотевший, он снял пиджак и повесил на спинку стула.

«Я же не могу просто так встать и уйти, объявив студентам, что, мол, не имею права у них преподавать. Это будет срыв занятия», — думал Владимир Борисович. Ему не хотелось и подводить профессора, который бы принял за малодушие оставить студентов.

Владимир Борисович пытался взять себя в руки, но образовавшаяся какофония в его голове зазвучала минорными нотами фортепиано, переливающимися в слова директора «не имеешь права», «не имеешь права»... накладывались удары барабана, тяжелые, как слова редактора толстого литературного журнала: «Ваша литература — это пародия на реализм», «пародия на реализм». Неразбериху звуков захлестнул пронзительный, неправдоподобно быстрый этюд скрипки, похожий на визг и плач болеющего старшего сына: «Па, лежи со мной», «лежи со мной»... Потом пролился обволакивающий нежный голос жены, поющей колыбельную для детей, него, но, наверное, больше для себя, уставшей.

Владимир Борисович тер виски, пытаясь успокоиться и сгладить тяжесть бессонных ночей.

— Вы от нас не уходите, нам стихи нравятся, они не мешают, — неожиданная реплика студента окончательно вернула Владимира Борисовича в аудиторию.

Он напрягся оттого, что студенты могли слышать разговор за дверью.

— На кафедре говорят, вы много стихов читаете на парах, что тут не филфак, тут юриспруденция учат. А вы от нас, правда, уходите? Вы извините, мы просто интересуемся, всегда ждем ваших занятий.

Владимир Борисович хорошо помнил, что около двух лет назад его идею проводить со студентами литературные вечера не поддержали в университете: «Не относится к учебному процессу», при этом он знал, что на кафедре уголовного права давно официально действовал

кружок бардовской песни. С тех пор он проводил вечера подпольно при поддержке профессора. Ходить туда студентам было интересно, вечера были откровенными и притягательными, там влюблялись в литературу, друг в друга, клялись служить праву. Студентов, посещавших вечера, называли декабристами.

«Володя, брось эти вечера, пустое это, юрфак не филфак». «Бабочку опять надел, университет с театром перепутал?» «Не гнели людей, поставь зачет Фролову, он сын судьи, ему все равно поставят» — вспоминались оброненные слова знакомого преподавателя на кафедре. Владимир Борисович тогда все кивал головой в ответ, отмалчивался, писал объяснительные, учил, грустил.

Молчание в аудитории прервала вновь появившаяся заведующая кафедрой. И через пару минут, разлученный со студентами, он оказался в её кабинете.

— Вы понимаете, что не имеете права вести занятия у студентов, но продолжаете это делать. Так любой человек, зашедший с улицы, может встать за кафедру? Вас юридически здесь нет и быть не должно. Сколько раз вам это повторять?

Владимир Борисович почему-то смотрел на её вздувшуюся синюю венку под чулком телесного цвета на ноге, голос её слышался то тише, то громче, превращаясь в сознании в монотонный гул. Он потерял глаза в надежде проснуться. Но она все продолжала, говорила, ходила, властвовала.

В его голове звучали стихи Рильке:

«Все падаем. Так повелось в веках.
Глянь, рядом падает рука небрежно.
Но Некто есть, кто бесконечно нежно
Паденье это держит на руках».

Ему было странно от всего этого и необычно, ведь он учился здесь, преподавал, даже мечтал.

Владимир Борисович вышел из кабинета, заведующая напоследок сказала:

— Если вы не поняли и пойдете в аудиторию к студентам, я буду вынуждена вызвать охрану, будет такой скандал, который дойдет до ректора. Не заставляйте меня это делать. Больше вас здесь быть не должно! А профессору передайте, чтоб больше никогда не просил его подменить. На него мы тоже управу найдем, если он и дальше будет противопоставлять себя коллективу кафедры, — говорила она вслед молчаливо идущему к выходу силуэту.

«Пародия на реализм...» — в очередной раз всплывали в сознании прилепившиеся слова.

Сев в машину, Владимир Борисович поспешил домой. Но на середине пути его автомобиль неожиданно остановился. Он вспомнил, что забыл свой пиджак в аудитории.

ДАМА У ОКНА

ОЛЕГ АЛЁШИН

Митин спустился на первый этаж офисного здания, думая, как провести остаток холодного бесснежного декабрьского вечера. Ему повстречалась небрежно одетая дама. По какой-то извечной мужской привычке он мельком взглянул на неё, но легкое разочарование в её образе заставило его удлинить шаг к выходу.

«Хотите карманный календарик на следующий год?» — дама попыталась остановить его у пластиковых дверей.

Он не любил людей, тем более вступать с ними в какое-то общение. Но чувство такта заставило его оглянуться и сделать навстречу незнакомке пару шагов, хотя понимал, что за этим безобидным предложением кроется прикрытая полуулыбкой реклама какой-нибудь конторы.

Митин вежливо поблагодарил, безразлично сбросив картонку во внутренний карман старого твидового пиджака.

На улице он решил зайти в кафе «Модерн», хотя знал — там будет нестерпимо скучно среди пустых столиков, а крохотная чашка эспрессо остынет уже после первого глотка, но все же домой идти не хотелось.

Когда он очутился в небольшом зале, его порадовали запахи кофе, свежей выпечки, а также приглушенный свет и открытая спина одиноко сидящей дамы возле окна. Она сидела так, что лица не было видно. Но в черном стекле угадывались его черты.

Он занял место подале от венецианского силуэта (почему-то так он решил про себя), но только лишь для того, чтобы скрыть невольный интерес к противоположному столу.

Ему нравились линия её осянки, отретпированные жесты, как она причесана. Несмотря на смельный наряд, в её внешности не было крикливости и вульгарности. Она притягивала взгляды, но одновременно была недоступной. Так вели себя когда-то венецианские дамы. Но как был счастлив утомленный в догадках кавалер, когда замечал благосклонность в легком штрихе как бы случайного жеста.

Дама у окна уже давно все поняла про Митина, который не получил в очередь ни чинов, ни наград, поэтому продолжала равнодушно забавлять себя мобильным телефоном.

Митин, сделав заказ, вспомнил про календарик и стал его рассматривать.

«Котиков в моем кармане еще не хватало», — ухмыльнулся он, бросив на стол календарь. Тут он увидел, что в пехотном построении дат нет ни одного красного дня.

«Похоже, праздники в моей жизни закончились. Но кого она все же дожидается?» — Ему мешало наслаждаться кофе этот бессмысленный вопрос, хотя, наверное, уже знал на него ответ...

Митин лишь однажды встретил по-настоящему изумительное от природы утонченное юное существо, сотворенное для мучительного созерцания, но недоступное для ответной любви. Ему казалось, что Она сродни эротическому мрамору конца XIX, когда скульпторы уже не стеснялись своих желаний, но еще были достаточно точны, чтобы не перейти грань пошлости, ограничивая ре�ец чувственной сентиментальностью.

Увы, только мраморные изваяния способны веками стоять на цыпочках, едва-едва касаясь постаментов. Встреченная Митиным нимфа не смогла удержаться на кончиках пальцев и как-то легко и просто сошла в партер обывательской жизни. Она никогда не знала, что делать со своей красотой, как распорядиться назойливым вниманием кавалеров. Чувствовала, что диссонировала с грязными и допотопными фасадами провинциальных домов, рыночными лотками, промозглостью рейсовых автобусов, несвежестью человеческого общения... Этот мир словно отторгал её красоту, которая была чужда невзыскательной повседневности.

Она как-то быстро исчезла из его видимости, чтобы потом случайно, мельком проявиться в продуктовом магазине, где Митин что-то покупал. Она стояла поодаль, выбирая, кажется, яблоки.

«Что с ней произошло, почему мне так скучно на неё смотреть?» — терзался Митин.

Он подавлял в себе новое, неприятное для себя чувство, понимая, что в её жизни, в сущности, ничего необычного не произошло — все как у всех, но ему казалось, что «как у всех» у неё не должно было быть.

Через какое-то время он осознал, что мечтательная прелесть не преобразилась в благородное величие классической красоты, а уступила грубоватости образов живописи Халса.

Он почему-то вспомнил в кафе о той встрече в магазине. Митин так и не решился раскрыться перед ней. Она всегда была цветком из чужого сада. Жалел он только об одном, что ему

не хватало какого-то глубокомысленного жеста, чтобы выразить восхищение этим прекрасным существом.

Митин понимал, что слишком засиделся, пора уходить, хотя венецианский силуэт все еще удерживал его.

Но после кафе почему-то зашел в ближайший цветочный магазин, где купил три голландские розы и попросил передать их девушке, сидящей у окна в «Модерне».

Цветочница с неприятной ухмылкой спроси-

ла: «Может быть, напишете несколько слов для своей дамы?»

— Пожалуй, — равнодушно ответил Митин. Немного подумав, он написал: «Вы прекрасны».

Цветочница упаковала букет, вложив в него записку.

Митин вышел на воздух и неторопливо пошел домой.

Минут через десять курьер вошел в кафе, но столик с венецианским силуэтом был уже пуст.

— Мне сказали передать эти цветы какой-то девушке, сидящей у окна, — сказал курьер, обращаясь к официанту.

— Она недавно ушла.
— А что мне теперь делать с этим букетом?
— Откуда мне знать?
— Оставляю на том столе, у окна. Можно?
— Как хочешь.

Курьер вышел из кафе, а официант принес вазу для цветов. Когда он снял упаковку, заметил выпавшую записку и, не читая, разорвал.

РАССКАЗ 12+

Фотография Алексея Герасина

